

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ им. М.В. ЛОМОНОСОВА (Москва, 21 апреля 2009 г.)

21 апреля 2009 г. на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова состоялась ежегодная научная конференция «Ломоносовские чтения», в которой приняла участие сотрудники кафедры – специалисты по истории древнего Востока, древней Греции и древнего Рима.

Конференция открылась докладом С. Кучеры «Ономастика древнекитайской бюрократии: некоторые особенности». Проанализировав названия чиновничьих должностей, существовавших в Китае во второй половине I тыс. до н.э., докладчик пришел к выводу, что их можно разделить на две категории. Первую составляют термины, указывающие на сферу деятельности их носителя, это «реальные» названия: например, *цзючжэнь* (вино + заведующий), т.е. главный надзиратель за изготовлением и распределением вина, или *сыма* (управлять + лошадь), главный военный чин государства. Вторая категория связана с терминами, которые либо очень далеки, либо вовсе не отражают род занятий соответствующего чиновника, это «фантазийные» названия: например, *тяньпу* (поле + слуга), т.е. ответственный за повозки правителя, или *хубэньши* (господин, который мчит, как тигр) – офицер охраны правителя. В докладе был поставлен вопрос: можно ли найти истоки «фантазийных» названий в далеком прошлом Китая? В поисках ответа С. Кучера обратил внимание, в частности, на ряд стихотворений Ши цзина (начало I тыс. до н.э.), где моральные качества людей сравниваются с такими же качествами животных (человеколюбие, добродетель и т.д.). В других источниках (например в авторитетной хронике Цзо чжуань) говорится, что в III тыс. до н.э. для обозначения должностей чиновников использовались названия облаков, разновидностей огня, воды, драконов и птиц. Для последних приводится расшифровка сферы чиновничьей деятельности в сопоставлении с известной хронистам системой второй половины I тыс. до н.э. Согласно последней, «феникс» заведовал составлением календаря, «орел» занимался военными делами, «ястреб» ловил и наказывал преступников и т.п. Докладчик указал на мифологический в целом характер подобных сообщений, однако подчеркнул присутствие в китайских мифах рационального зерна, что подтверждается современной наукой, особенно археологией. По его мнению, необходимо также учитывать использование вплоть до наших дней образов растений, животных и птиц в геральдике, а также для характеристики политических деятелей. С. Кучера допускает, что на этапе становления племенной администрации древние обитатели Китая использовали представления об окружающей природе для выражения особого положения в племени людей, наделенных некоторой властью. Вероятно, столь необычная, с точки зрения последующих поколений, практика и легла в основу «фантазийных» терминов.

В докладе «Современное развитие источниковедения истории раннего Рима» И.Л. Маяк подчеркнула, что изучение ранних стадий римской истории вышло за последние 10–20 лет на новые рубежи. Это произошло благодаря новейшим археологическим открытиям и применению современных методов обработки полученных материалов в совокупности с привлечением античной традиции и художественных памятников эпохи. Наибольшую важность представляет открытие А. Карандини оборонительных укреплений Рима VIII в. до н.э. на южном склоне Палатина, что подтвердило сообщения древних авторов о Ромуловом померии. Большое значение также имеют работы по идентификации пещеры Луперкал, проведенные А. Карандини и Д. Бруно. И.Л. Маяк выделяет два направления этих исследований. На Палатине был раскопан известный еще в XVI в. круглый нимфей с богато декорированным куполом. Анализ памятника позволил А. Карандини вернуться к высказанной еще в конце XIX в. гипотезе о тождественности этого здания Луперкалу. Кроме того, были приняты во внимание результаты новых археологических исследований дворца Августа: как выяснилось, он стоит на месте преднамеренно разрушенного другого здания. Уточнить расположение последнего напротив *Circus Maximus* помогла аналогия с константинопольским дворцом Константина Великого напротив ипподрома, поскольку создатель новой столицы стремился позиционировать себя как продолжатель великой империи. А. Карандини высказался в пользу намеренного возведения дворца Августа в древнейшем районе города в соответствии с идеей принцепса о предопределенности римского величия и своих родственных связях с Ромулом. Использование новейших геофизических методов позволило итальянским археологам

восстановить облик сложного комплекса помещений императорского дома, в подземной части которого на месте древнего Луперкала находился нимфей. И.Л. Маяк особо отметила, что значение всех этих открытий выходит за пределы обогащения источниковой базы новыми свидетельствами. Подобным образом утверждается важность новых подходов к изучению римских древностей и наносится решительный удар по гиперкритическим хитросплетениям, зачеркивающим подлинную историю раннего Рима.

В докладе С.Ю. Сапрыкина ««Малые» эллинистические государства Причерноморья» рассмотрены ключевые проблемы развития Фракии, Гетии, Таврической Скифии, Понта и Боспора в эпоху эллинизма. Автор отметил неоднородность этих государств, а также проследил закономерности развития их политической и социально-экономической истории. Особенностью становления государственности у фракийцев, гето-даков и скифов Добруджи и Таврики было длительное сохранение пережитков племенных отношений. Поэтому государственные институты, административное деление и царская власть отличались у них нестабильностью, а сами государства быстро распадались. Римляне, укрепившись на Балканах, стремились усилить власть дружественных им царей, способствуя созданию во Фракии прочного государства на основе эллинистических форм управления. Но им это не удавалось в полной мере, так как даже на рубеже нашей эры, когда государство у фракийцев превратилось в более-менее централизованное, этноплеменные противоречия, парадинастия, троичность фракийского общества постоянно давали о себе знать. Это препятствовало усилению власти вассальных Риму правителей и подвигло Империю ускорить завоевание данных территорий с целью включить их в состав провинций. Как полагает С.Ю. Сапрыкин, в отличие от северобалканского региона, эллинистические формы правления достаточно уверенно закрепились на севере Малой Азии и на Боспоре. Это было связано с политикой Митридата Евпатора и других эллинистических монархов, способствовавших превращению больших земельных наделов в царскую земельную собственность и во многих местах сохранивших полисную хору. Политика Рима, распространившего свою власть и влияние на эти земли, строилась с расчетом усилить полисную или муниципальную собственность, храмовые владения и *ager publicus* за счет перераспределения царской земли. Но затем политика в отношении Боспора изменилась: римские власти содействовали становлению этого государства как эллинистического с сохранением полисной и царской земельной собственности, что открывало возможность для некоторых кочевых скифо-сарматских племен переходить к оседлому земледелию подобно эллинистическим катойкам. Это усиливало боспорские войска, закрепляло эллинистические формы правления и эллинистические по характеру земельные отношения, когда царь, вассал Римской империи, становился верховным собственником земли и мог проводить успешную политику по защите ее интересов. В результате Боспор сохранил эллинистическую государственность вплоть до конца античной эпохи.

И.А. Гвоздева в докладе «Иски о «священных участках» в земельном праве древнего Рима» проанализировала сведения *Corpus agrimensorum Romanorum* по одному из самых сложных типов controversий – *de locis sacris et religiosis*, которую специалисты по межеванию перевели в практику земельного права. В классический период развития *ius civile* все священные участки в границах римских колоний и муниципиев рассматривались как *loci publici*, имеющие границы *arcifinius*, т.е. границу по признакам рельефа. Поэтому основой для аргументации в споре являлись нормы местного обычая, на которые опирался претор при составлении формулы иска в формулярном процессе. Практика земельного права располагала для данного случая двумя типами исков: *controversia de loco* (уточняющая местоположение священного участка) или *controversia de fine* (восстанавливающая его природную границу). Хотя агрименсоры объединили в один вид иска споры о священных участках и местах захоронения (*loci religiosi*), для последних в земельном праве выделение места производилось согласно измерению; таким образом, этот иск включал и разбирательство о размере участка (*de modo*). Из сообщения Агенния Урбика (IV в. н.э.) следует, что в постклассический период истории права, когда господствовал экстраординарный процесс, главным аргументом служили сведения земельного кадастра. Происходило некоторое упрощение процедуры при рассмотрении подобных исков в провинциях, если легат располагал сведениями о *loci publici, sacri, religiosi*. Эти участки становились объектами controversий между провинциальными муниципиями, на *suburbana* которых восстанавливались границы священных участков, проверялись размеры площадей древних захоронений с учетом обычаев областей по *ius gentium*. Как показала И.А. Гвоздева, запутанность поссessorских отношений на территории Италии привела к тому, что *arcifinius* священных участков не препятствовал их захвату. В таких случаях в классический период именно на италийских землях часто применялась преторская защита – *interdictum ne quid in loco sacro fiat*. В постклассический период неприкосновенность *res divinae iuris* обеспечивало обращение к земельному кадастру.

Доклад *И.А. Ладынина* «Клеомен из Навкратиса: наместник македонского царя в топосах древнеегипетской пропаганды» был посвящен сведениям античной традиции об одной из фигур царствования Александра – греке из Навкратиса, занявшем в сложной системе администрации Египта, сложившейся после македонского завоевания, место фактически единоличного наместника страны. Вопрос о том, имел ли Клеомен формальный титул сатрапа, по мнению докладчика, при имеющихся данных необходимо решить отрицательно; по-видимому, «трамплином» для возвышения Клеомена послужило предоставление ему общеегипетских полномочий в финансовой сфере и поручение возглавить работы по строительству Александрии. И.А. Ладынин подробно рассмотрел свидетельства Псевдо-Аристотелевой «Экономики», которые относятся к Клеомену из Навкратиса. Согласно одному из них, Клеомен хотел открыть охоту на священных крокодилов как возмездие за похищение одним из них своего слуги; другое связывает с ним переселение в Александрию египтян – жителей одного из старых портов Канопского русла Нила, чтобы у вновь создаваемого центра морской торговли не было конкурентов; третье приписывает ему намерение закрыть египетские храмы, чтобы сэкономить на их обеспечении. При этом Клеомен всякий раз отступался или как минимум проявлял готовность отступить от своей «стратегемы» за денежный выкуп. Докладчик показал, что «стратегемы» Клеомена формально не носят характер полного произвола и не своекорыстны (взимаемый им выкуп шел скорее в пользу казны, нежели персонально ему); тем самым они характеризуют его именно как агента греко-македонской власти. При этом в них можно выявить два базовых топоса древнеегипетской пропаганды – приписывание правителю кощунств против священных животных (что наиболее ярко проявилось в связи с персидскими царями Камбисом и Артаксерксом III) и намерение ущемить доходы храмов (этот мотив можно найти в античной традиции о фараоне Хеопсе). Учитывая, что обычным «пунктом приложения» этих топосов должен был быть царь, а не его чиновник, можно полагать, что они метили не только в Клеомена, но и выше и могли служить для обоснования преимуществ правления Птолемея I по сравнению с порядками, установленными в Египте Александром Великим.

В докладе *С.С. Соловьевой* «Киш: от гегемона до среднестатистического месопотамского города» на основе мифологической традиции, документальных источников и археологических материалов были прослежены этапы истории этого центра древней месопотамской цивилизации. В качестве первого этапа рассматривается период, когда Киш был неоспоримым гегемоном, – гипотетически предполагаемый исследователями период политического и торгового лидерства в эпоху Джемдет-Нагр (3200–3000 гг. до н.э.) и время правления I династии Киша в I Раннединастический период (3000–2750 гг. до н.э.). Во II Раннединастический период гегемония Киша потерпела крушение, однако в III Раннединастический период (2600–2350 гг. до н.э.) он вновь вступил в борьбу за лидерство. Поражение от правителя Уммы и Урука Лугальзагеси положило конец этому этапу истории Киша, после чего наступил период «отказа от амбиций», когда город вошел в состав Аккадского царства и царства III династии Ура. Со времени установления «вечной царственности» в Вавилоне при Хаммурапи и до конца существования державы Селевкидов (II в. до н.э.) Киш находился на положении среднестатистического месопотамского города. Материалы раскопок показывают, что при парфиях Киш являлся военной крепостью, продолжив свое существование при Сасанидах (на его территории были обнаружены руины дворца и манихейского святилища). Археологические исследования позволяют также сделать вывод, что «центр тяжести» городских строений Киша смещался в восточном направлении, вслед за уходящим руслом Евфрата. Изменение природной среды, выразившееся в отступлении реки и наступлении пустыни, было, по мнению С.С. Соловьевой, главной причиной упадка и исчезновения города в VII в. н.э. Кроме того, приход новых народов (персов, греков, македонян, парфян, арабов), давление их культурных традиций, религий и, конечно, войны способствовали угасанию древней, исконно месопотамской цивилизации, и ее детища – Киша.

Доклад *О.В. Томашевич* был посвящен интерпретации сцены на росписях вельможеских гробниц эпохи Древнего царства. Она сведется к тому, что покойный представлен стоящим на лодке в нильских заводях с метелками папируса в руках. В настоящее время таких гробниц известно 20: 11 из них находятся в Гизе, 6 – в Саккаре, остальные на территории Верхнего Египта. Различия в иконографии позволили автору доклада выделить 3 варианта изображения. Древнейший пример, которому в докладе уделялось особое внимание, сохранился на восточной стене часовни в уникальной скальной гробнице царицы Мерисанх III, внучки Хуфу, в Гизе (G 7530 sub). Сцена снабжена надписью: «Она делает *zšš wšd* для Хатхор вместе с матерью ее в заводях, (так что) они видят всякие прекрасные вещи в зарослях папируса (в Дельте)». По мнению автора доклада, неслучайно, что именно эта древнейшая сцена из трех ее известных вариантов зафиксирована в четырех часовнях царских жен: кроме Мерисанх III в Гизе, это рельефы в Саккаре – в двойной мастабе Небет и Хенут, жен фараона Униса, и царицы Анхнеснепи II. Кратко рассмотрев богатую

историографию проблемы, О.В. Томашевич акцентировала внимание на идее Х. Бальца (1939 г.) о первоначальном названии систра: *zššt* и возможном переводе *zšš* как «трясти, создавать шум». Как известно, два предмета, которые фигурируют в рассматриваемой сцене, настолько тесно связаны с богиней, что иногда представляются как ее воплощения: сistr и ожерелье-менат. Оба предмета являются трещотками, которые использовались в ритуалах в честь богини Хатхор для сопровождения танцев и пения, а также для заглаживания богини, которая могла быть очень опасной. Литературной иллюстрацией этого сюжета может быть «История пастуха и богини»; параллели имеются также в «Странствии Синухета». Подводя итог, О.В. Томашевич высказалась в пользу гипотезы, что шум, создаваемый с помощью метелок папируса, помогал покойному преодолеть опасную пограничную зону между миром живых и мертвых. Таким образом умерший оказывался под покровительством богини Хатхор.

Н.В. Бугаева

© 2009 г.

«МИУССКИЕ АНТИЧНЫЕ ПОСИДЕЛКИ» В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (Москва, 3–4 апреля 2009 г.)

Научный семинар «Миусские античные посиделки» состоялся на кафедре истории древнего мира Института восточных культур и античности РГГУ 3–4 апреля 2009 г. и был посвящен истории древней Греции архаического и классического периодов. Тема семинара: «Традиции и новации в изучении архаической и классической Греции в современной России». Участники представили доклады по теме своих исследований по истории древней Греции архаического и классического периодов. Организатором семинара выступил С.Г. Карпюк. Открыли научный семинар И.С. Смирнов, директор Института восточных культур и античности, и П.П. Шкаренков, заведующий кафедрой истории древнего мира.

На утреннем «сидении» 3 апреля были заслушаны источниковедческие доклады И.Е. Сурикова, С.Г. Карпюка и Э.В. Рунга.

В докладе И.Е. Сурикова (Москва) «Парадоксы “отца истории”: Геродот – исследователь архаической и классической Греции» были подведены итоги проводившейся автором на протяжении последних лет работы над темами, связанными с творчеством первого античного историка, чей труд сохранился полностью. В докладе характеризуется историографическое место Геродота в связи с «греческими» частями его сочинения (хотя, как известно, не меньшее место в «Истории» занимают восточные сюжеты). Преимущественное внимание было уделено проблемам исследовательских методов Геродота (как историка, опирающегося в первую очередь на устные традиции), но в связи с этим оказывается необходимым затронуть также и ряд вопросов его мировоззрения (историософии, религиозных взглядов, политической позиции). Была поставлена задача заострить внимание на тех чертах произведения «Отца истории», которые могут выглядеть парадоксальными, непривычными в свете сегодняшних представлений о специфике историографии как формы научного знания. Геродот характеризуется как представитель архаической традиции историописания.

В докладе С.Г. Карпюка (Москва) «Два патриотизма в “Истории” Фукидида» подверглась рассмотрению дискуссия о патриотизме в сочинении Фукидида. Фукидид выдвинул немало аргументов в пользу традиционного полисного патриотизма, когда гражданин обязан при любых обстоятельствах сохранять верность своему отечеству. Очевидно, что сам Фукидид, как показывает и его поведение в изгнании, и детали текста его сочинения, сохранял верность Афинам и оставался лояльным афинским гражданином. Однако историк не мог не представить аргументы нового, «софистического», подхода к патриотизму, который нашел яркое выражение и в речи, и в самом поведении Алкивиада.

Доклад Э.В. Рунга (Казань) «Подходы к обозначению и периодизации исторических событий в греческой историографии классического периода» был посвящен анализу представлений греческих историков V–IV вв. до н.э. об обозначении и периодизации исторических событий. Особое внимание уделяется разнообразным «дефинициям войны»: Персидские войны / Мидий-